

ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА.

I. ЗАПИСКИ АНДРЕЯ ПЕТРОВИЧА РУДЫКОВСКАГО (1796 — 1874).

Во многихъ семействахъ сохраняются различныя преданія о жизни предшествовавшихъ поколѣній, а иногда и письменные матеріалы—старыя письма, документы, книги, рукописи и т. п. Эти остатки старины нерѣдко представляютъ довольно важныя историческіе матеріалы, преимущественно для внутренней, бытовой исторіи, и потому заслуживаютъ тщательнаго сохраненія и разработки. Подобными матеріалами, сохранившимися въ моей семьѣ, нахожу небезполезнымъ подѣлиться съ читателями. Это—стихотворенія дѣда моего Евстафія Петровича Рудыковскаго и записки его младшаго брата Андрея Петровича. Такъ какъ стихотворенія старшаго брата относятся къ 30—40 годамъ, записки же младшаго относятся къ болѣе раннему времени, то помѣщаю сначала эти послѣднія, тѣмъ болѣе, что въ нихъ заключаются нѣкоторыя біографическія данныя относительно старшаго брата. Самые матеріалы печатаются безъ всякихъ измѣненій и сопровождаются біографическими очерками, составленными на основаніи семейныхъ преданій и сохранившихся документовъ, а также нѣкоторыми замѣчаніями относительно самыхъ сочиненій.

В. Щербина.

І. Записки Андрея Петровича Рудыковскаго.

Родъ Рудыковскихъ, по семейнымъ преданіямъ, происходитъ отъ переселившихся въ Польшу въ половинѣ XVIII в. хорватовъ, выходцевъ изъ Иллиріи. Фамилія Рудыковскій представляетъ полонизированную форму первоначальнаго прозвища Рудой. Послѣ переселенія въ Польшу родъ Рудыковскихъ раздѣлился на двѣ вѣтви.—Одна поселилась въ польскихъ областяхъ, приняла католицизмъ и достигла виднаго общественнаго положенія (по преданіямъ, одинъ изъ Рудыковскихъ былъ „архіепископомъ Варшавскимъ при послѣднемъ королѣ польскомъ“). Другая вѣтвь, поселившаяся на Украинѣ, осталась православною и обѣднѣла. Когда украинскіе Рудыковскіе вынуждены были обратиться за помощью къ своимъ богатымъ родственникамъ, съ ихъ стороны поставлено было необходимымъ условіемъ принятіе католицизма. Рудыковскіе не согласились на это и остались бѣдняками. Мнѣ не удалось провѣрить этихъ преданій, но по существу они не представляютъ ничего неправдоподобнаго¹⁾ и не противорѣчатъ встрѣчающимся въ „Запискахъ“ указаніямъ на семейство автора—отца, православнаго священника, и дядю иконописца, принадлежавшихъ однако по происхожденію къ дворянскому сословію.

Объ отцѣ автора записокъ, Петрѣ Рудыковскомъ, сохранилось слѣдующее преданіе. Онъ былъ келейникомъ преосв. Павла Конюсевича („Павелъ Тобольскій“), когда послѣдній жилъ на покоѣ въ Кіево-печерской Лаврѣ²⁾. Когда началась въ Кіевѣ чума, онъ сталъ проситься на родину, къ своей семьѣ. Преосвященный не соглашался, указывая на опасность, и наконецъ, положивъ паспортъ передъ иконою, велѣлъ молиться и поступать такъ, какъ Богъ укажетъ. О. Петръ взялъ паспортъ и ушелъ. Съ большимъ трудомъ выбрался онъ изъ Кіева, такъ какъ кругомъ устроены были карантинны, но домой добрался не скоро: дорогою онъ заболѣлъ чумою и нѣсколько недѣль пролежалъ въ какой-то деревнѣ, въ хлѣву.

¹⁾ Преданіе объ архіепископѣ Варшавскомъ оказалось впрочемъ невѣрнымъ, но лицо, о которомъ идетъ рѣчь, могло занимать какой-нибудь другой видный постъ.

²⁾ Какъ извѣстно, въ 1768—1770.

Впослѣдствіи о. Петръ былъ священникомъ въ с. Ольшанкѣ (Васильк. у.). Извѣстно, въ какомъ положеніи было въ эту эпоху сельское духовенство въ нашемъ краѣ. Семья Рудиковскихъ не представляла въ этомъ отношеніи исключенія, какъ можно видѣть изъ записокъ. Въ бумагахъ Андр. Петр. сохранилось нѣсколько писемъ отца къ старшему брату, Евстафію Петровичу. Письма эти также довольно наглядно рисуютъ тогдашняго духовенства, почему нахожу не лишнимъ помѣстить отрывки изъ нихъ въ видѣ приложенія. Письма эти представляютъ еще и тотъ интересъ, что показываютъ, какъ этотъ бѣдный и малообразованный „парохъ церкви ольшанской“ заботился о воспитаніи своего старшаго сына.

У о. Петра было три дочери и два сына. Біографическія данныя о старшемъ сынѣ Евстафіи Петровичѣ мы изложимъ въ другомъ мѣстѣ. Что же касается младшаго, Андрея Петровича (1796—1874), то дѣтство его, воспитаніе въ кievской бурсѣ и начало военной службы описаны подробно въ предлагаемыхъ его запискахъ. Другая часть этихъ записокъ, описывающая службу автора въ аракчеевскихъ военныхъ поселеніяхъ въ новгородской губерніи, еще при жизни автора напечатана была въ „Русской Старинѣ“¹⁾. Послѣдующая біографія А. П. несложна. Послѣ перевода въ армію (въ Волынской полкъ) онъ участвовалъ въ походѣ 1833 г. въ кн. Молдавію и Валахію, въ 1839 г. переведенъ въ Измаильскую крѣпость плацъ-адъютантомъ; въ 1848 г. уволенъ, согласно прошенію, за болѣзнію отъ службы „съ награжденіемъ чина майора, мундиромъ и пенсіономъ полного жалованья по 315 р. въ годъ“.

Выйдя въ отставку, А. П. переселился въ Кіевъ и жилъ здѣсь до самой смерти. Просто и скромно провелъ онъ эти года. Чѣмъ-то монашескимъ вѣяло отъ всей его обстановки. Маленькая квартирка, полка съ книгами религіознаго содержанія (любимая книга его была „Училище благочестія“), токарный станокъ, доставлявшій ему необходимый моціонъ и въ тоже

¹⁾ Устройство военныхъ поселеній (изъ записокъ отставнаго майора А. П. Рудиковскаго) 1820—1821 г.—„Русская Старина“ т. VIII, 1873 г., кн. 10, стр. 594—6.

время подспорье къ скромному пенсіону. Развлеченій никакихъ онъ не признавалъ: „Не насытится око зрѣніемъ, ни ухо слышаніемъ“, говорилъ онъ. За то онъ любилъ рассказывать о прошломъ и съ сожалѣніемъ вспоминалъ о тяжелыхъ условіяхъ своего воспитанія и службы, сравнивая ихъ съ условіями новой, слагавшейся передъ его глазами жизни.

Подъ вліяніемъ подобнаго настроенія написаны и предлагаемыя записки. Этимъ объясняется нѣсколько односторонній характеръ заключающагося въ нихъ описанія кіевской академіи. При всѣхъ своихъ общепризнанныхъ недостаткахъ, школа эта и въ ту пору имѣла свои хорошія стороны: достаточно вспомнить дѣятельность извѣстнаго ея ректора Иринея Фальковского¹⁾. Но автору записокъ не пришлось познакомиться съ этими сторонами, такъ какъ онъ прекратилъ ученіе (вслѣдствіе пожара 1811), будучи въ одномъ изъ низшихъ классовъ академіи. Кромѣ того, при самомъ началѣ его ученія произошла неблагопріятная перемена въ управленіи академіею: вновь назначенный митрополитъ Серапіонъ²⁾ устранилъ Иринея Фальковского отъ управленія академіею, которая, по выраженію біографа пр. Иринея, „оставлена была доживать послѣдніе годы своего двухвѣковаго существованія въ качествѣ все-народнаго училища, подъ руководствомъ малосвѣдущаго, не блиставшаго ни умомъ, ни даромъ слова митрополита“. Въ 1817 г. кіевская академія была, какъ извѣстно, временно преобразована въ семинарію, а въ 1819 г. открыта вновь, но уже на новыхъ началахъ, подъ именемъ кіевской духовной академіи. Старая „Кіево-Могило-Заборовская академія“ прекратила свое существованіе.

Главный интересъ предлагаемыхъ записокъ составляетъ подробная и неприкрашенная картина внутренняго быта древней кіевской академіи въ послѣдніе годы ея существованія накануне преобразования. Кромѣ того, записки рисуютъ бытъ

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1883, № 1, 5, 8—Ирдей Фальковский, коадьюторъ кіевскій. Г. Будашева.

²⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1883 № 9—10—Серапіонъ митрополитъ кіевскій. Ф. А. Терновскаго.

сельскаго духовенства въ юго-западномъ краѣ въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія, бытъ мелкой шляхты, условія тогдашней военной службы,—словомъ, цѣлый рядъ бытовыхъ картинокъ, написанныхъ просто, безыскусственно, но потому именно и возбуждающихъ полное довѣріе.

Воспоминаніе отъ юности бурсацкой жизни до вступленія въ военную службу и до офицерскаго чина.

Предисловіе.

Не осуди меня, читатель, что не по правиламъ грамматики описалъ воспоминаніе моей юности и бурсацкой жизни. Изъ описанія увидишь начало и окончаніе моего жалкаго воспитанія и не будешь удивляться моей неграмотности. Съ этою мудростію я прослужилъ въ военной службѣ два года юнкеромъ и тридцать лѣтъ въ офицерскомъ чинѣ съ Божіею помощію.

А. Р.

О бѣдность, бѣдность!
Горько жить съ тобою,
Нельзя и чувствамъ воли дать!

Родился я 1796 году отъ благочестивыхъ родителей кievской губерніи, васьковскаго уѣзда, въ имѣніи графа Браницкаго въ с. Ольшанкѣ, приходскаго священника Петра и матери Кееніи. По рожденію у родителей я былъ четвертый; послѣ меня еще родилась дочь. Насъ всѣхъ было пятеро дѣтей—два сына и три дочери; самый старшій сынъ Евстафій Петровичъ, который уже находился въ г. Кіевѣ въ школахъ, а остальные дома при родителяхъ.

На годовые праздники и ваканціи старшаго сына брали домой. Однажды какъ-то отецъ опоздалъ послать къ празднику Пасхи и получилъ письмо, что сынъ заболѣлъ и желаетъ скоро видѣться. Отецъ, получивши такое письмо, не взирая на распутицу и разлитіе водъ, на требы по приходу, рѣшился ѣхать въ Кіевъ за сыномъ, поручилъ приходъ священнику другого прихода того же села, а самъ поѣхалъ. По приѣздѣ къ первой

деревнѣ, гдѣ была плотина, около которой нѣсколько мужиковъ стояло и смотрѣло, какъ вода черезъ плотину идетъ, отецъ спросилъ у мужиковъ можно-ли проѣхать чрезъ плотину? Ему сказали, что плотину вода прорвала и что проѣхать нельзя. Отецъ не послушалъ и пустился на плотину и до перваго прорыва доѣхалъ; лошади съ повозкою и имъ снесла вода внизъ; мужики бросились и спасли лошадей съ повозкою и его, но онъ, перепуганный и простуженный, принужденъ былъ воротиться домой больной и скоро умеръ.

Матушка осталась съ пятью сиротами и не могла уже на свой счетъ содержать старшаго сына на наемной квартирѣ, подала просьбу митрополиту Кіевскому Серапіону, просила о принятіи сына въ бурсу на казенное содержаніе, а ей дать средства къ пропитанію себя съ четырьмя сиротами, при ней живущими. По каковой просьбѣ старшій сынъ принять въ бурсу на казенное содержаніе, а для пропитанія самой съ четырьмя дѣтьми предписано другому приходу выдѣлять половину изъ дохода двухъ приходовъ. Эта формальность такъ на бумагѣ икончилась.

Когда необходимость заставила матушку потребовать должной части, послала старшую дочь къ священнику за этимъ доходомъ, то ей дали три хлѣба и болѣе ничего. По прошествіи довольно долгаго времени послала опять требовать должной части изъ доходовъ, и на сей разъ дали два хлѣба и сказали наотрѣзъ—доходу нѣтъ никакого и дѣлиться нечѣмъ. Послѣ этого отказа матушка уже болѣе не посылала, а принуждена своими трудами изыскивать средства къ пропитанію себя съ четырьмя дѣтьми.

Послѣ смерти отца, на хозяйствѣ осталось двѣ пары воловъ, одна корова, пара лошадей; удерживался еще работникъ и одна служанка, которыхъ матушка посылала на чужія поля лѣтомъ зарабатывать хлѣбъ, и они зарабатывали на цѣлый годъ. Обстоятельства заставили продать одну пару воловъ, а другая еще осталась для посылки въ лѣсъ за дровами, въ помѣщичій лѣсъ, на что было позволеніе отъ помѣщика, одинъ разъ въ недѣлю. И такъ матушка нѣсколько лѣтъ во вдовствѣ своемъ перебивалась съ прислугой; наконецъ работникъ, же-

живши, вышелъ на свое хозяйство, осталась одна работница и та не надолго—отошла. Осталась матушка только съ нами, продала и другую пару воловъ по необходимости; осталась корова и пара лошадей, за которыми некому было ухаживать. По смерти отца я еще прожилъ при матушкѣ три года; мнѣ ужъ было семь лѣтъ; братъ старшій велѣлъ меня привезть въ Кіевъ. Меня матушка осенью отвезла и оставила у брата, а сама возвратилась домой. Старшія двѣ дочери подросли и могли уже быть въ помощь матушкѣ по хозяйству. Братъ мой Евстафій Петровичъ пристроилъ меня тоже въ бурсѣ на казенное содержаніе. Я еще не учился; давалъ братъ время привыкнуть къ новой бурсацкой жизни. Послѣ Рождества я заболѣлъ. Меня отвели въ больницу, и я тамъ что-то долго пролежалъ. Къ празднику Пасхи матушка прислала лошадей за нами. Братъ затруднялся, что со мною дѣлать, наконецъ рѣшился меня взять больного. Я не помнилъ, какъ меня положили на сани и отправились въ путь. Дорога была распутная, снѣгу мало по дорогѣ, лошади тощія едва тащились. Не доѣхали домой за двадцать верстъ, принуждены остановиться на ночлегъ въ деревнѣ, гдѣ наши лошадки околѣли. Братъ нанялъ подводу, пріѣхали домой. Матушка увидѣла меня больного и узнала, что лошади пали, была крайне огорчена. Какъ праздникъ прошелъ и какъ братъ уѣхалъ въ Кіевъ, того я не помню. Недѣли черезъ двѣ послѣ праздника я началъ поправляться и выздоравлилъ. Лѣто оставался дома, а осенью меня опять матушка отвезла въ Кіевъ къ брату. Тутъ я началъ уже учить славянскую азбуку при братѣ. Но не долго продолжалось это мое житіе при братѣ: духовное начальство назначило брата отъ Кіевской Академіи въ С.-Петербургскую Медицинскую Академію, съ тѣмъ чтобы по окончаніи наукъ возвращень былъ въ академію обратно для преподаванія старшимъ ученикамъ медицинскпхъ лекцій.

Братъ скоро былъ отправленъ въ С.-Петербургъ; я остался безъ всякаго надзора; хотя и просилъ братъ товарищей, но они никакого вниманія на меня не обращали. Грустно и больно мнѣ было мое сиротство и одиночество. Къ кому ни

обращусь я съ просьбою показать мнѣ урокъ, мнѣ отказываютъ, говоря: свои уроки надо учить. Медленно я подвигался впередъ въ моемъ жалкомъ просвѣщеніи. Не успѣлъ я еще выучить славянскую азбуку, какъ мнѣ подсунули латинскую. Началъ долбить а, b, c, и тутъ товарищи начали надо мною смѣяться говоря: смотрите, Рудыковскій началъ долбить а, b, c, онъ хлѣба хце ¹⁾. Мнѣ больно было выдерживать такого рода насмѣшки, а показать урокъ никто не хочетъ. Долго что-то я эту азбуку долбилъ и, не окончивши ея, подсунули мнѣ латинскую грамматику. До сихъ поръ еще я за мою науку не получалъ награды розгами; начали задавать мнѣ уроки и выучивать наизусть, сдавать учителю; сколько я ни старался выучить наизусть заданный урокъ, не имѣлъ дара, приходилъ всегда по звонку на экспликацію со слезами, навѣрно ужъ зналъ, что будетъ: не сдалъ урока, вызываютъ на середину, и тутъ сколько угодно будетъ учителю, столько и отсчитаютъ.

Бывало, въ лѣтнее время ночь мала и хотѣлось-бы подольше поспать, но страхъ наказанія пробудить до схода солнца; взявъ книгу подъ-мышку и на дворъ, заберешься гдѣ-нибудь въ уголъ между дровъ и начинаешь долбить урокъ, и не успѣешь нѣсколько разъ прочесть урокъ, а тутъ звонокъ уже призываетъ къ развязкѣ на экспликацію. Утерши кулакомъ слезы, книгу подъ-мышку, идешь навѣрно за наградою. Такъ бываетъ: высѣкли, задали другой урокъ, съ тѣмъ чтобы и прежній повторить, и оба на завтра сдать. А не сдалъ—двойная награда!

Что дѣлать было мальчику въ одиннадцать лѣтъ при такомъ безтолковомъ ученіи и при такихъ жестокихъ истязаніяхъ! Не къ кому обратиться съ жалобою и за помощью. Сѣдалище такъ уже изукрасили, что нельзя было сидѣть. Безжалостные наши учителя смотрѣли на текущую кровь хладнокровно, приговаривая: учись да не лѣнись!

При этакомъ безтолковомъ ученіи пища была самая скудная. Порція хлѣба не болѣе въ три четверти фунта на обѣдъ и ужинъ. На обѣдъ борщъ въ скромные дни съ говядиною, но

¹⁾ Тогда польскія слова частую съ русскими словами мѣшались.

говядины только и доставалось философамъ и богословамъ, въ постные дни съ олеемъ; другого кушанія не бывало. На ужинъ готовилась жидкая каша, а иногда галушки гречневая величиною въ полфунта, и при разливкѣ въ трапезѣ клалась одна въ миску и дополнялась ухой. Мальчишки попровориѣ заблаговременно узнавали, что галушки готовятся; приготовить деревянную спичку, по колокольчику собираются къ дверямъ трапезы и дожидаются, пока отворять двери; двери всегда зачинались въ трапезѣ, пока пищу разольютъ по мискамъ и разставятъ по столамъ; и тогда отворяется дверь, и вся толпа, собравшаяся у дверей, разомъ бросится къ своимъ столамъ, и тѣ, которые приготовили спичку, стараются схватить галушку на спичку, завернувъ ее въ полу и подъ-мышку, старается уйти назадъ, а остальные, уѣвши около мисокъ похлебаютъ ушицы съ хлѣбомъ, у кого остался отъ обѣда, и съ тѣмъ уходятъ въ свои избы и собираются на экспликацію, т. е. на экзекуцію! Послѣ которой садятся кругомъ столовъ и занимаются уроками и письмомъ на одинъ часъ, послѣ чего ложатся спать. Въ зимнее время послѣ полуночи опять встаютъ, для чего съ вечера посылается два мальчика съ фонаремъ въ Братскій монастырь, въ келію звонаря, и тамъ ночуютъ. Звонарь встаетъ звонить къ заутрени, будить мальчиковъ, зажигаетъ въ фонарѣ свѣчу и отправляетъ ихъ въ бурсу. По приходѣ въ бурсу мальчики идутъ по всѣмъ избамъ и зажигаютъ свѣчи; обошедши всѣ избы, фонарь относятъ въ сеніорскую¹⁾, и сами идутъ въ свою избу и занимаются ученіемъ.

Изрѣдка пріѣзжалъ митрополитъ Серапіонъ во время самага обѣда и прямо входилъ въ трапезу. Всѣ встаютъ за своими столами и пропоютъ въ одинъ голосъ: „salutamus“. Обошедши всѣ столы, остановившись посрединѣ, скажетъ: „Учитесь, дѣти, во младые лѣта, а когда придетъ старость, тогда вамъ будетъ радость!“ Съ тѣмъ и уѣзжалъ. Митрополитъ тогда жилъ въ Софіевскомъ соборѣ.

¹⁾ Иба, названная сеніорскою, въ которой жилъ сеніоръ; онъ заведывалъ всѣмъ хозяйствомъ.

Во всѣхъ избахъ, гдѣ жили бурсаки не было никакой мебели, кромѣ стола во всю длину комнаты, а поподъ стѣнами лавки широкія, на которыхъ старшіе ученики спали, а прочая мелочь подъ лавками и подъ столомъ, гдѣ кто захватилъ мѣсто. Подстилки никакой; кто въ чемъ ходилъ днемъ, въ томъ и ложился, книга подъ головы вмѣсто подушки. Изнуренный днемъ заснулъ-бы, да насѣкомыя одолѣвають. Клесовъ ужасная бездна подъ лавками и по стѣнѣ; стѣны всѣ исписаны кровью раздавленныхъ клоповъ. Изба никогда не бѣлилась и не чистилась изъ году въ годъ. Страшное неряшество.

Въ это время свирѣпствовала болѣзнь *короста* нарывная, больныхъ отправляли въ больницу, которая находилась на берегу Днѣпра, возлѣ Ильинской церкви, и тамъ на кухнѣ лѣчились дѣтемъ и принимали сѣрные порошки; прочіе больные особо въ комнатахъ лежали на кроватяхъ. Докторъ былъ Бунге, посѣщалъ всякій день, прописывалъ лѣкарства, красные камфорные порошки. Не забуду до смерти, какъ они были противны. Пища больнымъ была одна, самая тоже скудная: жидкій супъ съ картофелемъ и въ скоромные дни съ говядиной, и то золотниками; другого кушанья не бывало. Хлѣба не давалось, а давали называемое жалованіе—каждому больному по два гроша на булку. Самымъ труднымъ (больнымъ) варилась букваца съ медомъ вмѣсто чаю. Поваръ въ больницѣ былъ отставной солдатъ Семеновъ. Въ свободное время онъ занимался шитьемъ сапоговъ; въ частую онъ посылалъ двухъ мальчиковъ съ ведромъ къ Днѣпру по воду, которые лѣчились на кухнѣ отъ коросты, въ однѣхъ рубахахъ и босикомъ; простуживались и къ болѣзни получали простудную болѣзнь. На это никто не обращалъ вниманія.

При такой горестной и скудной жизни при изнуреніи, заболѣлъ я весной 1809 году золотухою; вся голова моя покрыта была сплошнымъ струпомъ, волосы слиплись матеріею. Меня отвели въ больницу, гдѣ и что-то долго пролежалъ, и ничего мнѣ не дѣлали. Появились на головѣ кучи вшей, которыя распозались по всему тѣлу. Бывало выйдешь на дворъ и руками отряхнешь на землю съ головы, а рубашку скинувши, тоже

руками обметешъ. Въ такомъ положеніи меня застала старшая сестра, приходившая на поклоненіе. Нашла меня въ больницѣ и когда увидѣла меня, ужаснулась и зарыдала; нагрѣла воды, омыла мнѣ голову, рубаху сняла, выпарила и вымыла. Мнѣ показалось легче; но она не могла оставаться при мнѣ долго; на другой день отправилась домой, и чрезъ нѣсколько дней опять увидѣлъ на себѣ тоже. Этими насѣкомыми изобиловали всѣ больные, у каждаго на кровати бездна; одинъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати былъ тяжело боленъ и когда умеръ сняли съ него одѣяло, то кругомъ тѣла на пол-вершка кучи вшей; такъ его съ кроватю и вынесли на дворъ. И что мудренаго: бѣлья по нѣскольку мѣсяцевъ не перемѣняли, прислуги къ больнымъ никакой не было, а выздоравливающіе мальчики служили, приносили съ кухни пищу для больныхъ, горницы подметали, зимою печки истапивали, и больше ничего; а для роздаванія лѣкарства вмѣсто фельдшера, жилъ тутъ же ученикъ риторики Рудецкій¹⁾; онъ принималъ отъ доктора рецепты, посылалъ въ аптеку и раздавалъ больнымъ по назначенію.

Въ такомъ положеніи жизнь моя юная продолжалась до 1811 года. Въ этомъ году случился пожаръ на Подолѣ, отъ котораго весь Подоль сгорѣлъ, въ томъ числѣ Братскій монастырь съ церковью, академическіе классы, бурса. Пожаръ этотъ случился передъ самымъ роспускомъ на вакаціи. Всѣмъ ученикамъ было объявлено не пріѣзжать въ Кіевъ, пока не исправятся погорѣвшія зданія; но эти зданія что-то долго не были исправлены по тогдашней скудости матеріальныхъ средствъ.

Кое-какъ я добрался домой. Старшая сестра была уже замужемъ, и зять жилъ вмѣстѣ. Пока я оправился въ здоровьѣ, меня не употребляли ни на какія работы. Какъ только я поправился, меня зять началъ посылать къ своимъ роднымъ на полевые работы. Это было осенью и не по моимъ силамъ. Цѣлый день изнурился я при одномъ сухомъ хлѣбѣ и часто безъ воды. Такъ я продолжалъ эти работы, пока поля не были за-

¹⁾ Въ книгѣ Асочинскаго показанъ въ 1813 г. „лекарскій помощникъ студентъ богословія Рудецкій Ѳеодоръ“. (Кіевъ, т. II, стр. 466).

сѣяны. Зиму кое-какъ я провелъ у одного шляхтича: училъ двухъ сыновей читать и писать, какъ самъ зналъ. Тутъ я имѣлъ по крайней мѣрѣ порядочную пищу. Открылась весна, меня потребовали домой, и опять послалъ меня зять къ своимъ родственникамъ на тѣ же работы—пахать, бороновать, пока не кончились работы засѣвамъ, послѣ чего я отдыхалъ до жатвы. Настала жатва; матушка договорилась у одного зажиточнаго шляхтича съ третьяго снопа жать; матушка, двѣ сестры и я ходили на жнива, заработали хлѣба довольно, такъ что хлѣба у насъ было достаточно на цѣлый годъ до новаго года. И такъ мы года два трудились по чужимъ полямъ, пока матушка на полѣ не заболѣла. Съ трудомъ мы довели ее домой; она слегла и скоро умерла. Я тоже въ этотъ день заболѣлъ горячкою и не помнилъ, какъ матушку похоронили. Когда началъ выздоравливать, спросилъ, что я матушку не вижу; мнѣ сказали, что матушка поѣхала къ роднымъ; а когда я совершенно выздоровѣлъ, узналъ, что я круглый сирота. Въ Кіевѣ не было еще призыва къ ученію, года уходятъ, что мнѣ дѣлать! Узналъ я отъ старшей сестры, что есть дядя по матери) уніатскій священникъ васильковскаго уѣзда с. Сухолисъ. Я отправился къ нему, нашелъ, и онъ меня принялъ, какъ родного сироту. У него было два небольшіе сына, которые еще не учились; онъ заставилъ меня учить читать и писать; такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ въ этомъ занятіи. Къ сожалѣнію моему я узналъ, что дядя пристрастенъ къ горячимъ напиткамъ. Я увидѣлъ, что тутъ не жить мнѣ, ожидалъ пріѣзда сестры, которая обѣщала пріѣхать навѣстить меня. Подъ осень она съ мужемъ пріѣхала, узнала отъ меня подробности, взяла меня съ собою и поѣхала въ г. Житомиръ, гдѣ также былъ дядя по отцу. По пріѣздѣ въ Житомиръ, сколько ни спрашивали о дядѣ, никто не зналъ; наконецъ узналъ, что онъ въ городѣ не живетъ, а что дочь его за мужемъ за дворяниномъ Журавскимъ, котораго домъ намъ указали. Нашли и отрекомендовались родственни-

¹⁾ Изъ сохранившейся метрической выписи видно, что жена о. Петра Рудковского была „изъ Свѣнтославскихъ Ксенія“.

ками; насъ приняли разумѣется какъ деревенскихъ жителей. Тутъ мы узнали, что дядя въ двухъ деревняхъ занимается подрядами на новые иконостасы писать образа, и что онъ пріѣзжаетъ въ городъ для закупки матеріаловъ. Я упротисился остаться и дождать пріѣзда дяди. Зять Журавскій занимался тоже подрядами мебельными; онъ держалъ у себя столяровъ, которые дѣлали мебель по заказу и въ новыхъ домахъ оконъ и дверей; самъ онъ не работалъ, а только отыскивалъ работы. Тутъ я, присмотрѣвшись къ дѣлу столярному, началъ кое-что строгать и скоро понялъ. Мнѣ дали выдѣлывать ножки къ стульямъ; жилъ я съ мастеравыми, обѣдалъ съ ними и спалъ въ мастерской, не какъ родственникъ, но какъ чужой; меня начали употреблять на разныя посылки. Вижу я, что зима недалеко, а у меня нѣтъ не только зимней, но и лѣтней одежды. Я началъ изъ обрѣзковъ дерева дѣлать разные скамейки, ящички, шкатулочки—ночью, покупая свѣчу; продавалъ и собиралъ гроши до грошей, и кое-что себѣ началъ покупать съ сапоговъ до рубашки и такимъ образомъ кое-какъ прикрывалъ наготу мою. Зять увидѣлъ мою способность къ дѣлу, былъ доволенъ мною. Тутъ мнѣ пришла охота сдѣлать скрипку, принялся и сдѣлалъ довольно порядочную, всѣ удивились; началъ учиться играть по слуху.

Зима кончилась. Въ великій постъ пріѣхалъ дядя въ городъ за покупками матеріаловъ и остановился въ домѣ дочери; ему сказали, что племянникъ здѣсь, родного брата сынъ осиротѣвшій; дядя позвалъ меня въ горницу, спросилъ обо всемъ подробно и сказалъ, что возьметъ меня съ собою. О братѣ я ничего не зналъ, живъ-ли онъ или нѣтъ, и я ему ничего не могъ сказать. Погостилъ онъ дня три, собрался ѣхать и мнѣ приказалъ быть готовымъ; распростился я съ моими товарищами по ремеслу и родными, уѣхалъ съ дядею въ деревню верстовъ за тридцать отъ города. По пріѣздѣ въ деревню меня дядя откомендовалъ племянникамъ, своей второй женѣ, которая косо посмотрѣла на меня и отворотилась. Старшая дочь у него была уже невѣста; та меня нѣсколько обласкала. Окинулъ я глазами все хозяйство: плохо, нищета; подали обѣдъ:

борщъ съ грибами даже безъ олею, каша пшонная съ борщемъ, хотя былъ мясоѣдъ.

Въ это время, какъ я находился у дяди, начали проходить черезъ эту деревню полки корпуса Воронцова, который находился въ Парижѣ по взятіи его до уплаты контрибуціи. Въ этомъ корпусѣ при штабѣ служилъ и мой братъ Евстафій Петровичъ помощникомъ корпусному доктору. Проходя чрезъ Житомиръ корпусный штабъ, братъ зналъ домъ двоюродной сестры и уже прежде былъ знакомъ; прямо заѣхалъ къ ней, пробылъ дневку и тутъ узналъ обо мнѣ; а какъ я находился въ деревнѣ и въ сторонѣ отъ маршрута, не могъ заѣхать за мной, оставилъ денегъ у сестры и просилъ нанять попутчика и прислать меня въ Кіевъ, гдѣ была назначена корпусная квартира.

Между тѣмъ пока мнѣ въ Житомирѣ прискивали попутчика, и я еще ничего не зналъ о братѣ, какъ братъ самъ въ Кіевѣ прискалъ попутчика, и тотъ попутчикъ заѣхалъ въ Житомиръ за мной, меня тамъ не нашелъ, ему сказали, что я нахожусь въ деревнѣ по пути въ Кіевъ; попутчикъ везъ купеческіе товары, заѣхалъ за мной и подалъ мнѣ письмо. Тутъ только я по прочтеніи письма узналъ, что братъ живъ, и что я скоро увижусь съ нимъ. Какъ я тутъ обрадованъ былъ въ это время, и пока мой попутчикъ выкормилъ лошадей, я ужъ готовъ былъ въ дорогу; распрощавшись съ родными, поблагодарилъ ихъ за хлѣбъ-соль, сѣлъ въ сани, и тройка добрыхъ коней помчалась по хорошей дорогѣ. Проѣхали мы день и ночь, на другой день въ десять часовъ въ Кіевѣ и на квартирѣ у брата. Брата я не засталъ. Деньщикъ зналъ, что я приѣду, принялъ меня, обогрѣлъ чаемъ, приготовилъ обѣдъ, накормилъ меня досыта. Братъ у себя не держалъ стола, а у корпуснаго доктора всегда обѣдалъ. Къ вечеру братъ приѣхалъ и засталъ меня; очень былъ радъ. Увидѣлъ меня, что я ужъ парень хотъ куда порядочный, сказалъ: ну, братъ, наука тебѣ не далась, надо итти въ полкъ и дослуживать шпаги, а для этого нужно тебѣ свидѣтельство о дворянствѣ; надо ѣхать въ Житомиръ къ дядѣ и съ нимъ хлопотать въ дворянскомъ собраніи, гдѣ наша родо-

словная вписанная. Дождались весны, поѣхали въ Житомиръ, отыскали дядю, объяснили причину нашего пріѣзда. Дядя сказалъ, что этого скоро сдѣлать нельзя; въ такомъ случаѣ братъ меня оставилъ у дяди, а самъ отправился обратно. Дядя отвезъ меня въ Житомиръ, написалъ просьбу предводителю дворянства, отправился со мной и подалъ просьбу правителю канцеляріи, а сей сказалъ, что черезъ недѣлю навѣдаться. Дядя поручилъ ходатайство зятю Журавскому. Тутъ потребовались деньги на расходъ; я написалъ къ брату, и мнѣ скоро посланы были деньги пятьдесятъ рублей, которые и были переданы зятю Журавскому. Въ скоромъ времени выдали мнѣ дворянское свидѣтельство. Скоро я отыскалъ попутчика и отправился въ Кіевъ; братъ былъ обрадованъ скорому и успѣшному дѣлу. Его желаніе было опредѣлить меня въ тотъ же полкъ, въ которомъ началъ свою службу; къ моему счастью все шло хорошо; полковой казначей пріѣхалъ въ Кіевъ за жалованіемъ и пріемкой годовыхъ вещей и навѣстилъ брата; тутъ братъ представилъ меня и просилъ взять съ собою и опредѣлить въ полкъ. Казначей охотно согласился, сказалъ—по пріемкѣ годовыхъ вещей дастъ знать, когда онъ отправится въ полкъ, и чтобъ я было готовъ. Черезъ недѣли двѣ онъ окончилъ пріемку, отправилъ транспортъ, и мнѣ велѣлъ приходить на его квартиру. Я собрался; меня братъ отвезъ и оставилъ у него; за лошадьми былъ послано уже, и мы скоро отправились въ дорогу. Квартира полковая была черниговской губерніи въ посадѣ старообрядцевъ Климовѣ. По пріѣздѣ въ полкъ и на другой день призвалъ аудитора, завѣдующаго полковою канцеляріею, отдалъ мое свидѣтельство, приказалъ отдать въ приказѣ по полку о зачисленіи меня на службу недорослемъ изъ дворянъ подпрапорщикомъ съ назначеніемъ въ первую гренадерскую роту, а между тѣмъ меня оставилъ при полковомъ штабѣ для обмундировки, призвалъ полкового закройщика и приказалъ ему меня обмундировать. Мнѣ отвели квартиру у богатаго раскольника; тутъ мнѣ было очень хорошо; кормили меня отлично, и какъ я трубки не курилъ и табаку не нюхалъ, меня сажали съ собою за столъ. Я увидѣлъ у нихъ книгу, читалъ имъ, и они всѣ были мною довольны.

Казначей распорядился, чтобы меня оставить при штабѣ и чаще меня видѣть, предложилъ полковому командиру собрать изъ полка молодыхъ и расторопныхъ солдатъ въ штабъ для обученія грамотѣ, читать и писать, приготовить въ унтеръ-офицеры. Это было исполнено въ скоромъ времени. Мнѣ были они поручены обучать и въ помощь мнѣ еще дали одного юнкера. Квартира для школы была отведена, и я началъ учить. Два дня въ недѣлю были назначены для фронтальной службы и ружейной экзерциціи; тутъ и меня учили; а между тѣмъ я досталъ школу рекрутскую и самъ изучалъ правила. Такимъ образомъ я успѣвалъ въ обученіи солдатъ грамотѣ и самъ учился. И такъ до году всѣ мои ученики порядочно читали, писали и четырехъ правилъ ариѳметики знали; всѣхъ ихъ произвели въ унтеръ-офицеры, а двухъ изъ нихъ, остряковъ, прямо въ фельдфебеля.

Такъ я годъ прожилъ, училъ и учился самъ. На другой годъ меня произвели въ портупей-прапорщики, и я перемѣнилъ тесакъ на шпагу съ серебрянымъ темлякомъ, и старшіе подпрапорщики остались назадъ. Въ первый инспекторскій смотръ дивизионнаго начальника Вуича, послѣ осмотра фронта и аммуниціи, были вызваны впередъ передъ фронтъ всѣ юнкера¹⁾, выстроились въ линію; началась экзаменовка ружейныхъ приѣмовъ по одиночкѣ, и кто изъ насъ показался въ успѣхѣ, того вызывалъ впередъ; въ томъ числѣ и я былъ вызванъ, но не зналъ для чего; вызвано насъ было четыре; начальникъ дивизіи указалъ на насъ четырехъ полковому командиру, приказалъ представить въ офицеры. Тутъ полковой командиръ указалъ на меня и сказалъ, что я въ продолженіи года и самъ довольно успѣлъ въ рекрутской школѣ и тридцать молодыхъ солдатъ выучилъ читать, писать и первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики, и всѣ они произведены въ унтеръ-офицеры и два изъ нихъ въ фельдфебеля.

Начальникъ дивизіи поощрилъ меня тѣмъ, что приказалъ меня поставить въ спискѣ къ производству первымъ; и за все

¹⁾ Койхъ было въ полку сорокъ.

это я обязанъ моему благодѣтелю, полковому казначею Саввѣ Осиповичу Циклинскому.

По производствѣ въ офицеры, уже не такъ мнѣ фортунило. На другой годъ по производствѣ въ офицеры судьба меня забросила въ поселенные войска графа Аракчеева; съ 1820 г. и по 1830 годъ служилъ я въ этихъ резервахъ, гдѣ запрещена была отставка и домовые отпуски на семь годовъ, подъ видомъ за недоведеніе нижнихъ чиновъ по фронтовой части; комплектъ офицеровъ не убавлялся, а потому и производства въ высшіе чины не было.

Подробностей моихъ неудачъ, какъ по службѣ, такъ разныхъ предпріятій я не упоминаю, нахожу излишнимъ; скажу только, что съ подпоручичьяго чина начальство нашло меня способнымъ командовать ротой, и я принялъ и командовалъ постоянно одиннадцать лѣтъ до капитанскаго чина, что это въ арміи рѣдкость: старшіе офицера оставались безъ ротъ, а младшіе командовали.

По полку, бригадѣ и дивизіи были отдаваемы приказы, лестные для меня—образцовымъ офицеромъ и ротнымъ командиромъ, какъ по фронтовой, такъ и по хозяйственной части, и вся эта слава принесла мнѣ столько пользы, какъ голодному запахъ жареной баранины.

Послѣ инспекторскихъ смотровъ дѣлались представленія къ наградамъ, но награды получали только полковые, баталіонные командиры и тѣ офицеры, которые были ближе знакомы съ женами командировъ, хорошо умѣли льстить и въ мазуркѣ отличались; а кто отличался на полѣ и по фронтовой службѣ, тотъ оставался незамѣтнымъ и напрасно истощалъ силы.

Кромѣ фронтовой службы, вчастую меня отрывали отъ роты и посылали въ разныя командировки, какъ-то за приѣмкой годовыхъ и трехъ-годовыхъ вещей и жалованія, и за всякимъ разомъ выдавались мнѣ похвальные листы; у меня ихъ накопилось много, я представилъ при рапортѣ и просилъ занести ихъ въ формулярный списокъ, для каковыхъ и графа обозначалась въ формулярномъ списокѣ, но мнѣ и въ этомъ отказано, послѣ чего я бросилъ ихъ въ печь.

Послѣдняя моя командировка была самая важная и самая опасная. Въ 1830 году, смѣнившись съ караула въ Кіевѣ, возвратились на свои квартиры въ Харьковскую губернію. Не успѣлъ я расквартировать роту по деревнямъ, вдругъ получаю предписаніе сдать на законномъ основаніи роту назначенному штабсъ-капитану и явиться къ отрядному командиру, генералъ - майору Коровкину для особаго порученія. Въ два дня сдалъ я роту и поспѣшилъ явиться къ отрядному командиру. Тутъ я получилъ предписаніе и требованіе въ воронежскую комиссаріатскую комиссію на жалованіе и ремонтныя деньги для второй уланской дивизіи, кирасирскихъ кадръ и восемнадцать пѣхотныхъ резервныхъ баталіоновъ,—всей суммы на 140000 р. ассигнаціями. Меня это до крайности удивило, что мнѣ незнакомому пѣхотному офицеру дѣлается такая важная порученность. Неужели же въ кавалеріи не оказалось офицера, которому можно было-бы поручить такую порученность?

Нечего тутъ было долго разсуждать. Получивши документы, поторопился пуститься въ путь. Страхъ понуждалъ меня: о холерѣ пронесся слухъ, что въ Астрахани холера. Въ то время еще никто понятія не имѣлъ объ этой страшной эпидеміи. По приѣздѣ въ Воронежъ и на другой день получилъ требуемую сумму денегъ, и на третій день въ обратный путь пустился. При мнѣ два конвойные были—жандармъ отъ кавалеріи и унтеръ офицеръ отъ пѣхоты. Проѣхалъ я первую станцію благополучно; на другую приѣхалъ, и тутъ уже карантинъ учрежденъ. Меня останавливаютъ на четырнадцать дней въ дурной грязной и курной деревушкѣ Рындино, по имени помѣщика Рындина; показали мнѣ квартиру курную, мокрую, въ которой поросята и теля подъ поломъ, вонь невыносимая. Вотъ тутъ-то я ахнулъ. Зналъ я прежде, что эту деревушку населилъ помѣщикъ изъ бродягъ и что въ этой деревушкѣ дѣлались частые грабежи, при участіи и самого помѣщика. Видя себя въ такомъ положеніи, что я могъ заболѣть въ такой квартирѣ и могъ быть ограбленъ, на другой день я приготовилъ рапортъ въ комиссію съ описаніемъ моего опаснаго положенія, просилъ

распоряженія освободить меня отъ этого карантина и снабдить меня свидѣтельствомъ, что я слѣдую изъ благополучной стороны, и чтобъ меня нигдѣ не задерживали, какъ я по казенной и экстренной надобности проѣзжаю. На четвертый день я получилъ отъ комиссіи свидѣтельство на безостановочный проѣздъ, и губернаторомъ предписано въ карантинъ къ начальнику освободить меня безъ малѣйшаго задержанія. И такъ я благополучно пріѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ тоже карантинъ устраивался. Миѣ оставалось еще ѣхать въ г. Чугуевъ въ отрядный штабъ для сдачи денегъ. Я ночью отправился. По пріѣздѣ въ штабъ, по сдачѣ старшему адъютанту денегъ, получивъ квитанцію, того же дня возвратился въ Харьковъ. Въ Харьковѣ прожилъ я недѣлю, пока пріемщики отъ баталіоновъ не пріѣхали. Раздавъ въ каждый баталіонъ деньги и получивъ квитанціи, отправился къ своей ротѣ, и тѣмъ окончилась моя командировка. Скоро опять насъ потребовали въ Кіевъ для содержанія карауловъ, а дѣйствующіе полки пошли въ помощь противъ мятежниковъ.

По прибытіи нашей резервной дивизіи въ Кіевъ и по занятіи карауловъ, вскорѣ Государь пріѣхалъ и сдѣлалъ смотръ нашей дивизіи и остался доволенъ, приказалъ отдѣлить маршевые баталіоны и отправить въ Варшаву на усиленіе дѣйствующихъ войскъ. Въ это время и меня начальникъ штаба корпуса Красовскій назначилъ съ маршевымъ баталіономъ, и тѣмъ я навсегда освободился изъ резерва и зачисленъ въ дѣйствующій полкъ.

А. Р.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письма о. Петра Рудиковскаго къ сыну.

I.

Серцемъ любезнѣшому моему сину Евстафію Рудиковскому.

Посилаетъ ся чрезъ Килила дядка, что есть прописано въ свѣдѣтельствѣ ¹⁾, а что не прописано то здѣсь пишу для вероятія, и посылаю на греческую книжицу что ти писалъ 3 палтинѣ, я рублей два посылаю за одного купи книжицу, а другого держи на иную потребу, А на сѣно для лошадей 3 гривнѣ даю, шапка какъ здѣла; то не наложи въ той ходи что тебѣ куплена, при семъ объявляется что ми еще живи и здорови, памилости всенавишаго Бога и создателя нашего, матушка твоя Родителька Сердечно тебе поздравляетъ; сестрицѣ Алеѣада, Евгенія, Марѣяна, и братъ Андрей умило поздравляютъ, даби ти училъ ся и Богу малилъ ся; по нихъ память имѣлъ; да будетъ Благословеніе Божіе на тебѣ и буди всѣмъ смиренъ то благодать обрящешь отъ Спасителя и Бога.

Петръ Рудиковскій родитель твой.

Въ Ольшаницѣ 10 чис.

1799.

II.

Къ сему еще и благословеніе Божіе тебѣ посылаю да обучаешься и дасть разумъ тебѣ Господь и щастіе; я еще здоровъ и матушка твоя здорова, сестри твои здоровы, а братъ твой Андрей болящій впек ли вкропотъ; да страждетъ лютѣ; А тебе малить чтобъ пошолъ ти до великомученици варвари чтобъ его исцѣлила балѣзнь поклоновъ сколько милость твоя братерска изъвалить вдарить за ево здавіе.

¹⁾ Нѣкоторыя изъ писемъ служили для подателя свидѣтельствомъ на свободный проѣздъ и замѣняли такимъ образомъ паспортъ.

III.

Евстафію Рудиковскому.

Немалую ти мѣнѣ Печаль придалъ съвоимъ писаніемъ, что ти пророковалъ о свои смрти, и о моей, которая уже и была уже мнѣ у Германовской слободцѣ на греблѣ; все затопилъ мешковъ два, третій съ хлѣбомъ, четвертій зовсомъ, дѣжка огурцовъ, дѣжка съ саломъ и спромъ, мяса свиного стегно и плечко, свитка дячкова и сокира и сверделъ; на рублей два шкоды благодарю Бога моего что мене выратовали и дячка; возъ и мешки салдаты зъбѣглися и выратовали, люде знаеми прняли на квартиру, А я воротился вдомъ свой, только что живій, води великіи заишли, а ти ожидаи доброй резолюцѣи якъ можетъ. Хозяина и хозяику якъ могтиму такъ буди петртевать по святахъ, приедемъ обое якъ води устанутъ, на потребу твою посилаю тебѣ гривень десять.

пша палъ-корца затопилось въ водѣ не нашли.

Петръ Рудиковскій.

